

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

Александр Юрченко

Разнообразные и непредсказуемые превращения саламандры способны смутить любого исследователя. Начнем знакомство с описанием ее природных свойств.

Как известно, саламандры — земноводные, принадлежащие к отряду хвостатых. Держатся на суше во влажных местах, в молодом состоянии и во время размножения живут в воде. Туловище их толстое, неуклюжее, с закругленным хвостом. В коже находятся многочисленные железы: вдоль спины, по бокам и в особенности позади ушей. Наиболее распространенный вид — пятнистая или огненная саламандра, достигающая 18–23 см длины и отличающаяся яркими золотисто-желтыми пятнами на черном фоне, расположенными двумя продольными рядами вдоль всего тела; такие же пятна находятся на ногах и по бокам животного. Распространена почти по всей Европе, встречается также в Северной Африке и Малой Азии.

Именно этот вид описал римский энциклопедист Плиний: «Саламандра — животное из рода ящериц, усеянное звездами, никогда, кроме как в сильный ливень, не появляющееся, а в ясную погоду прячущееся; у нее такая холодность, что подобно льду, огонь гасит прикосновением».

Мифическая рептилия. Помимо Плиния о саламандре писали богослов св. Августин (354–430), флорентийский ученый и поэт XIII в. Брунетто Латини и многие другие, однако сложить их сведения в единую картину невозможно. Тысячелетняя история саламандры — это история метаморфоз. Ее именем обозначали самые разные субстанции. Так, например, если одни авторы полагали, что она живет в огне и он не причиняет ей вреда, то другие настаивали на ее способности мгновенно гасить огонь. Считалось, что ее естество губит

Александр Григорьевич Юрченко — старший научный сотрудник проекта гуманитарных экспедиций «Сафир», Санкт-Петербург.

любое пламя. Рассказывали и о том, что из шкуры саламандры можно изготовить белую ткань, не сгорающую в огне. В конце концов, ее имя стало обозначать маленьких огненных крылатых зверьков и вещество, известное сегодня под названием асбест. Кажется, нет таких фигур, в которые бы не превратилась безобидная ящерица. Наиболее неожиданные из них — это морской зверь и индийский пес.

Представленный перечень свойств — условный суммарный портрет, в легендах же перечисленные особенности саламандры редко фигурировали вместе. Так, например, античная и ранняя арабская традиции не знали о ткани, изготовленной из саламандры. Римляне и греки использовали асбест, устойчивый к огню, и писали о ящерице саламандре, охлаждающей своим естеством огонь, но не путали при этом ящерицу с асбестом. В Китае, наоборот, была распространена идея животного происхождения асбеста.

Чаще всего саламандра представлялась ящерицей, иногда птицей. Последнее, видимо, связано с путаницей между саламандрой и сказочной птицей феникс, что характерно для суфийской традиции. Среди древних китайских алхимиков было распространено представление о крысе-саламандре. Марко Поло именуется ее зверем — суждение, характерное для западных bestiариев. В одной из редакций армянского перевода александрийского «Физиолога» сообщается о звере, подобном вепрю, выдыхающем огонь из ноздрей, а имя ему саламандра. На латинских миниатюрах саламандра изображалась в виде крылатого дракона с торчащими ушами на голове и длинным хвостом. Одновременно ходили слухи о ткани из «саламандровой шерсти», что, разумеется, не добавляет ясности в общую картину. Ключевой вопрос заключается в следующем: с какого времени появляются те или иные из перечисленных выше сведений.

В поисках ответа обратимся к александрийскому «Физиологу», сочинению с описанием образов животных. В нем, в частности, говорится о ящерице, которая не боится огня, подчеркивается способность саламандры тушить своим естеством огненную и банную печи. Считалось, что это животное обладает особой охлаждающей силой. Скорее всего, за этими фантастическими представлениями стоит свойство реальной ящерицы выпускать в случае опасности молочнок-белые выделения кожных желез. Связь же саламандры с огненной печью могла появиться вследствие практики древних фармацевтов, сжигавших ящериц для получения лечебной золы.

В книге о животных византийского писателя Тимофея (V в.) содержатся сходные сведения: «Саламандра похожа на ящерицу, и проходя сквозь огонь, охлаждает и гасит его». Это мнение излагал Аристотель еще в IV в. до н.э. Короче говоря, там, где саламандра, нет места огню. Иначе не понять всю иронию Плиния, предлагавшего с помощью этого животного бороться с многочисленными пожарами. «Если бы, — писал он, — было справедливо то, что говорят маги, то есть, что это единственное животное, которое тушит огонь, и что даже некоторые части его тела представляют прекрасное средство против пожара, то Рим давно бы произвел подобный опыт».

Червь «каламандр» и огненные зверьки.

В «Физиологе», равно как и в ранних средневековых bestiариях, не говорится об изготовлении несгораемой ткани из саламандры. Такая же картина наблюдается в размышлениях св. Августина, в сочинении Тимофея и в материалах, собранных знаменитым хорезмским ученым аль-Бируни (973–1048 гг.). Правда, в отличие от других авторов, аль-Бируни высказывает сомнение в способности саламандры не гореть в огне и гасить пламя. Асбестовая ткань упоминается им отдельно и никак не связана с ящерицей. Создается впечатление, что саламандра, охлаждающая огонь, не имеет никакого отношения к саламандре, которая живет в огне и чья кожа дает материал для ткани. Это предположение подтверждают статьи из древнерусского Азбуковника начала XVII в., где отдельно сообщается о звере «соломандръ», способном потушить печь, и черве «каламандре», живущем в огне и вырабатывающем нити для несгораемой ткани.

Очевидно, что зверь, пожирающий пламя, является антиподом вечно ледяной ящерицы. Проследим подробнее за этой эволюцией и постараемся выяснить, кто из средневековых авторов причастен к наиболее любопытным превращениям саламандры.

Богословы, считающие Феникс доказательством воскресения во плоти, приводили саламандру как пример того, что живые тела могут существовать в огне. Св. Августин прибегнул к аналогичной аргументации. Однако у него происходит любопытное смещение темы: саламандра из существа, которое тушит огонь, превращается в существо, вечно живущее в пламени. Тем самым задается новая перспектива, определившая в средневековых bestiариях образ несгораемой саламандры. В новом культурном пространстве саламандра из животного, обладающего удивительным свойством, становится знаком,

удостоверяющим догму о вечной каре огнем. В книге XXI «О граде Божиим» св. Августина есть глава с названием «Могут ли тела гореть вечно в огне», и начинается она так:

«На что же мне указать, чтобы неверующие могли убедиться, что одушевленные и живые человеческие тела не только могут не разрушаться смертью, но и выдерживать мучения вечного огня? Они ведь не хотят, чтобы мы в этом случае ссылались на могущество Всемогущего, а требуют, чтобы убеждали их каким-нибудь примером. Мы им ответим, что есть животные, которые, как смертные, подвержены разрушению и, однако же живут в обыкновенном огне... Саламандра живет в огне, как пишут более любознательные исследователи природы животных» (Августин. О граде Божиим. XXI. 2. 4).

Вопреки утверждению св. Августина, античные исследователи природы животных не писали о саламандре, живущей в огне. Наоборот, натура ящерицы считалась пагубной для стихии огня. Для прояснения сути этой метаморфозы следует обратиться к рассказу Аристотеля, где повествуется о загадочных крылатых «зверьках, по величине немногим крупнее, чем большие мухи», возникающих в пламени печей. Вот они-то в отличие от саламандры, не могут жить без огня. Напрашивается предположение, что средневековое представление о саламандре является результатом комбинации огненных крылатых зверьков, чье существование немислимо вне пламени, и ящерицы, уничтожающей своим естеством огонь. Так родилась виртуальная саламандра.

На одном из барельефов Собора Парижской Богоматери представлена фигура женщины, олицетворяющая алхимический процесс обжигания: она прижимает к груди диск с изображением саламандры, «которая живет в огне и питается огнем». В византийской энциклопедии X в. наглядно представлена путаница саламандры с маленькими зверьками Аристотеля, а в качестве сравнения указан асбест (*амиант*, букв. незапятнанный, чистый): «Амиант сильнее огня и не сгорает, если даже долгое время остается в огне. Точно так же и саламандра — крохот-

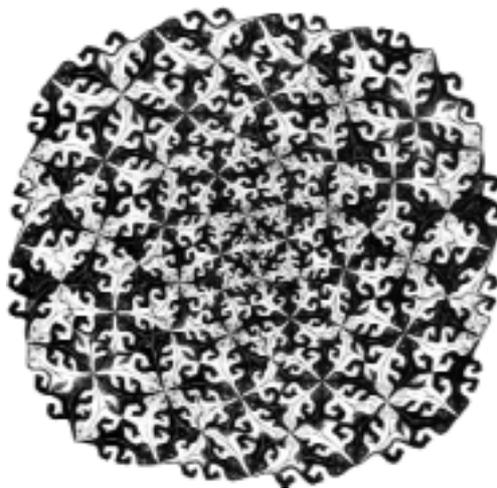
ное животное, рожденное огнем, — живет в огне, и пламя ее не обжигает». Имя «саламандра» обозначает здесь уже не ящерицу, а существо, обладающее огненной природой. Новая фигура прошла свой путь превращений, который можно рассматривать как альтернативу христианскому и традиционному античному вариантам.

Огненные зверьки Аристотеля, заблудившись в лабиринтах других культур и приняв иное обличие, вновь появляются на страницах персидской космографии XIII в.: «Аристотель говорит, что на земле Магриба есть местность [...], там день и ночь постоянно пылает огонь. Из огня рождается животное, похожее на мышь. Оно, как огонь, красного цвета, стоит на двух ногах. Когда ветер обдувает животное, оно становится белым. Если вновь войдет в огонь, как огонь станет красным. Местонахождение этого животного — в огне» («Чудеса мира»).

В «Каноне» Ибн Сины в разделе под названием «Общее рассуждение о ядах» сообщается о ядовитых свойствах целого семейства ящериц: саламандры, геккона и хамелеона. Рассказ о гекконе, способном отравить вино, вызывает в памяти аналогичный пассаж Плиния о саламандре, превращающей вино в яд. О мифических свойствах саламандры, не горящей в огне, Ибн Сина, всецело погруженный в лечебную практику и не склонный касаться мистических аспектов, просто передает сведения, во многом созвучные с античной традицией. В собранных им материалах саламандра выступает прежде всего как объект, способный нанести ущерб здоровью человека.

Птица самандал. Как правило, источники, затрагивающие тему различных превращений огнестойкого существа, не фиксируют сам процесс перехода, но дают некую законченную картину. Если выстроить эти свидетельства в ряд, то получится как бы серия «моментальных фотографий», связанных единственной хрупкой нитью — это имя «саламандра». Первоначально оно означало ящерицу, под конец — вещество.

В персидской космографии XIII в. есть рассказ о птице-саламандре. Эта замечатель-

ная «птица» всегда пребывает в огне. Огонь ее не сжигает, но и она не гасит огня. Подобно крылатым зверькам Аристотеля, она находится в своей стихии. Очевидно, что персидская птица-саламандра во многом близка к саламандре латинских источников XII–XIII вв. Из «перьев» этой птицы делают головные уборы для государей и фитили для светильников. «Фитили держат в масле, — сообщает некоторые подробности автор, — и они горят. И сколько бы ты ни жег [светильник], фитиль не сгорит. В Мекке я видел четыре шапки из перьев саламандры. Когда шапка становилась грязной, ее бросали в огонь, и она выходила из огня чистой» («Чудеса мира»).

В конце концов, восточный фантастический ависарий пополнился несгорающими в огне птицами, чья родословная восходит к легендарной саламандре. «В Кайруане есть птица, которая не сгорает в огне и которую нельзя убить ножом, только камнем. В Китае водится птица, которая не боится огня. Если же облить ее водой, она сразу сдохнет» («Чудеса мира»). А эти сведения содержатся в книге Наджиба Хамадани: «В Китае есть птица, [которая], находясь в огне, не сгорает, в воде же умирает». О загадочной птице с островов в Южных морях, не боящейся огня, говорится в арабском сочинении «Чудеса Индии»: «На одном из островов Вак-Вак есть птица, окрашенная в красный, белый, зеленый и синий цвета, как дятел, а величиной с большого голубя; называют ее самандал. Эта птица не сгорает в огне и может жить целые дни, питаясь одной землей». Известны также рассказы о «не боящемся пламени воробье» (цюз хо цюз), присланном китайскому императору эпохи Тан.

«Паутина шайтана». В ранневизантиском трактате под названием «Полное описание вселенной и народов» есть раздел о народе «счастливых»: «Говорят, что племена камаринов обитают в восточных пределах, описанных Моисеем под именем Эдем; Камарины не носят принятой у всех народов одежды; их платье таково, что никогда не загрязняется. А если это случится, они полагаются на то, что одежда очистится мечом ог-

ня; ведь их ткань, прокаливаясь, становится чище». Очевидно, что речь идет об одежде, сшитой из асбестовой ткани. И в этих первых упоминаниях об асбесте саламандра не фигурирует.

Аль-Бируни были известны легенды о ящерице саламандре, знал он и про асбест, из которого вырабатывалась несгораемая в огне ткань. Однако ученый, видимо, даже не слышал о том, что эта ткань изготовлена именно из саламандры. Он лишь критически оценивает фантастические свойства ящерицы саламандры не гореть в огне. Об изготовлении нитей из асбеста аль-Бируни сообщает как о хорошо известной и к тому же совсем не загадочной технологии; он называет и месторождения асбеста в горных областях Сеистана и Кермана.

В трактате «Минералогия» хорезмский ученый упоминает вещество, называемое «паутина шайтана» и «пряжа ведьм», которое не горит в огне (это и есть асбест). Свойство «паутины шайтана» соответствует особенностям саламандры европейских средневековых мифов. О несгораемой ткани аль-Бируни писал следующее: «Устазу Хормузу, начальнику войска Кермана, доставили в 390 году [хиджры] из областей Зеренда и Кубунат белую *шустагу*, и когда она загрязнялась, ее помещали в огонь, и огонь пожирал ее грязь. И рассказывал один человек, который наблюдал это, что для проверки ее обмазали жиром и в течение некоторого времени держали в огне, а затем огонь погасили, и *шустага* оказалась белой, чистой».

То, что было очевидным для пытливого ума аль-Бируни, не было таковым для его современников. Так, например, арабский филолог XI в. ал-Баكري, автор «Книги путей и государств» передает удивительные истории о несгорающей в огне ткани из страны черных. Эти истории почерпнуты им из рассказов купцов. В них вообще не упоминается ящерица саламандра. Ткань изготовлена из белой шерсти, растущей в плодах деревьев. На одежде из этой ткани огонь не оставляет следов. Пишет ал-Баكري и о ткани из асбеста: «Надежный человек рассказывал мне, что он видел некоего купца, который привез повязку Фардиланду, правителю ал-

Джалалика. Он сообщал, что эта повязка принадлежала одному из апостолов и что огонь не оставлял на ней следов. Купец показал ему это наглядно. Она произвела большое впечатление на Фардиланда, и в обмен на нее он дал купцу свое богатство».

Сравнение историй, известных ал-Бакри и аль-Бируни, делает правдоподобным предположение о том, что легенда о ткани из ящерицы саламандры первоначально не принадлежала ни арабскому, ни христианскому миру. В поэтическом бестиарии Гийома Нормандского нет и намека на изготовление

ткани из шерсти саламандры; для него «саламандра — тварь с хвостом,

очень схожая притом с ящеркой обыкновенной». Но к исходу XIII века в результате активных контактов между Западом и Дальним Востоком легенда о ткани из шерсти саламандры пришла в Европу вместе с привозной тканью из асбеста.

Одежды царя Великой Индии.

Первым текстом, в котором речь идет о ткани из саламандры, является послание священника Иоанна, царя Великой Индии. Оно распространялось в Западной Европе с середины XII в. На мой взгляд, этот текст — один из самых загадочных и непонятых литературных розыгрышей. Мнимый царь Великой Индии, спешащий на помощь крестоносцам, изображает свое царство с нескрываемой иронией: в одной области живут немые люди, а в другой — рогатые, а в иной — трехногие, есть также люди, у которых половина тела песка, а у других глаза и рот на груди. Необъяснимые животные этого великолепного царства позаимствованы из фантастических бестиариев. В каждой из подвластных царю областей есть нечто необычное. В одной стороне расположено Песчаное море, оно никогда не стоит на месте, в другой, река с драгоценными камнями и жемчугом, в которую охотники ныряют на несколько месяцев. И, наконец, главное: «В нашей земле, близ жаркого пояса, есть черви, которые называются по-нашему саламандры. Эти черви не могут жить иначе, как в огне, и окружают себя кожицей, как это делают шелковичные черви. Эта кожица обрабатывается женщинами нашего дворца. Из нее мы делаем сукно для нашего всеобще-

го употребления. Это сукно обновляется и очищается в сильнейшем огне».

Одежды, в которые облачается царь Иоанн, сделаны из асбестовой ткани. Однако черви, выделяющие негоряемые в огне нити, напоминают гусениц шелкопряда. Видимо, не обошлось и без влияния легенды о Фениксе; после сгорания этой птицы в пепле образуется личинка, превращающаяся в новую птицу. Следует согласиться, что этот вариант легенды о саламандре отличается от всех прочих. Если современным читателем ирония в тексте послания Иоанна не улавливается, то, в любом случае, следует констатировать уникальность этого варианта. Никому из средневековых писателей, кроме автора легендарного послания царя Великой Индии, не пришлось в голову выдать ткань из саламандры за шелковую ткань.

ткани из шерсти саламандры; для

Епенэс и боносос.

В средневековом армянском сборнике притч, приписываемом Вардану, баснописцу и проповеднику конца XII — начала XIII в., говорится о загадоч-

ном морском звезде, который ест огонь. Это существо можно было бы смело отнести к коллекции

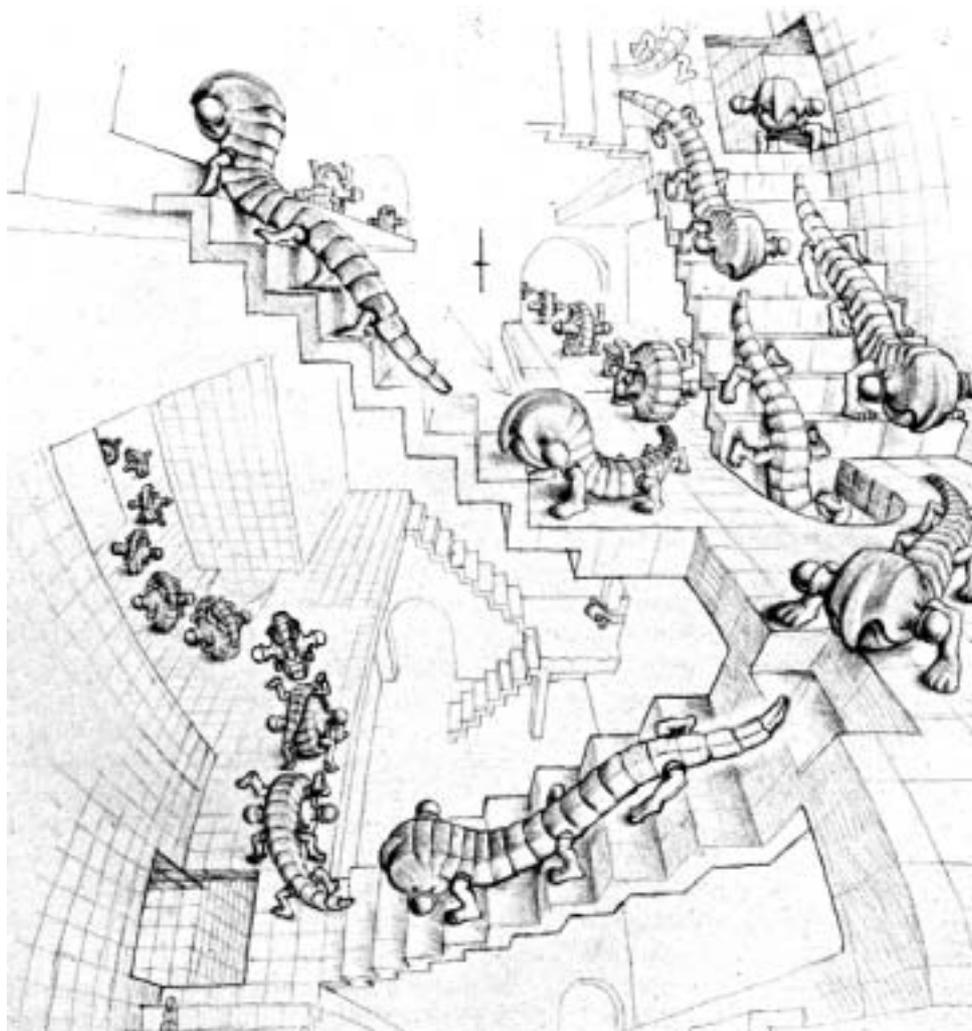
животных, не поддающихся объяснению, но с учетом приведенных выше материалов кажется правдоподобным предположение, что мы вновь встречаемся с саламандрой, принявшей столь необычный облик. «В море водится зверь, который ест огонь. Охотящиеся за ним зажигают огонь и раскаляют уголья на берегу моря, а сами скрываются; зверь приходит и страстно лижет уголья, но от действия огня он пьянеет. Тогда охотники выходят [из засады], убивают его и берут. Качество его [поразительно] — то, что если бросить его шкуру в огонь, она не сгорит». В «Толкованиях к Исходу» Вардана тоже упоминаются «животные, которые не сгорают, а, напротив, в огне приобретают больше блеска, таковы епенэс и боносос», а в «Вопрошаниях» Ванакана сообщается, что «морской епенэс возвращается в огне и ест огонь; из него выщипывают руно, из которого делают царское облачение: очищается оно огнем вместо воды».

Что же касается гибридной фигуры — вепря-саламандры, о которой речь шла в самом начале статьи, то она появилась в

результате филологической ошибки. В армянском географическом сочинении VII в., откуда заимствован пассаж о вепре, сказано следующее: «Эфиопы людоеды, у которых встречаются зверь, похожий на вепря, но изрыгающий пламя и саламандра, похожая на ящерицу, которая, проходя через огонь, гасит его». Очевидно, что фантастическое существо появилось в результате «склеивания» сведений о разных животных. И это — не единичный случай, а вполне заурядное явление, показательный пример того, как рождались удивительные монстры средневековья. Превращения происходили на стадии работы с текстами. Последнее обстоятельство ставит под сомнение современные спекуляции о специфической системе мировосприятия средневекового человека. Некоторые случаи вполне объяснимы тем обстоятельством, что под рукой у средневекового специалиста оказались тексты, в которых содержались тривиальные ошибки, а возможность перепроверить содержание сообщений отсутст-

вовала. Равно как и отсутствовало желание внести какую-либо ясность в передаваемые сведения, но то же самое можно сказать и о современных исследователях, которые, как правило, ограничиваются пересказом средневековых текстов.

Видимо, последнее превращение вепря-саламандры можно обнаружить в облике огнедышащей морской коровы. Рыба с наружностью коровы, производящая на свет детенышей и вскармливающая их грудью, легко опознается. Это ламантин, представляющий семейство млекопитающих отряда сирен. В персидской космографии он предстает огнедышащим морским зверем. Это свойство перешло к нему от дракона. Дракон, как известно, образ водной стихии, но он часто представлялся огнедышащим (соединение противоположных символов — воды и огня). «Говорят, в Индийском океане обитает корова, которая появляется по ночам и пасется на берегу океана. Из ноздрей ее пышет огонь. Все, что попадет на ее пути, сгорит» («Чудеса мира»).

Притягательная сила легенды.

Итак, с саламандрой произошла следующая эволюция: ее образ раздвоился и обе половины зеркально противостоят друг другу. Новые превращения далее происходят не с ящерицей, а с ее огненным двойником. Имя остается неизменным, но обозначает оно уже разные вещи. Обычно это обстоятельство не учитывается авторами мифологических словарей, не склонных придавать серьезное значение метаморфозам тех или иных символических фигур. На мой взгляд, в изменении облика саламандры заключена истинная тайна этой фигуры, ведь внимание средневековых алхимиков привлекла живущая в огне саламандра, тогда как ранняя традиция приписывала ей свойство уничтожать огонь.

Мы не знаем, на каком перекрестке истории огненная саламандра из ящерицы превратилась в вещество, названное тем же именем. Но можно назвать средневекового автора, который попытался разобраться в этих хитросплетениях. Это Марко Поло, путешественник и дипломат, сделавший блестящую карьеру при дворе монгольского хана Хубилая, внука Чингисхана. В качестве его представителя Марко Поло посетил многие области Центральной Азии, и никогда не забывал интересоваться их достопримечательностями.

В своей «Книге» он, в частности, самым подробным образом описывает, как добывают вещество «саламандру» и как из него изготавливают ткань. Понятно, что речь идет о ткани из асбеста.

«Саламандра, знайте, не зверь, как говорят, — утверждает Марко Поло, — сказать по правде, никакой зверь, никакое животное по природе своей не может жить в огне, потому что всякое животное из четырех элементов. Люди не знали, наверное, что такое саламандра, и стали говорить, что саламандра животное, и теперь говорят то же. Это неправда, и вот почему. Был у меня приятель, который три года по приказу великого хана добывал саламандру, свинец и ондалик для великого хана... Он рассказывал мне то дело, и я сам его видел. Когда в горе докопаются до жилы, наломают [из нее кусков], разотрут их, и они разметываются как бы в шерстяные нитки; потом их сушат, потом толкут в большой медной ступе, моют, и остаются те нитки, а землю выбрасывают как ненужную. Нитки, словно шерстяные, их прядут и ткут из них полотно, а полотно, скажу вам, как соткут его, вовсе не бело; кладут его потом в огонь, и по малом времени становится оно бело как снег; а покажется на полотне пятнышко или оно как-нибудь запачкается, так кладут его в огонь, по-

держат немного, и становится оно опять бело, как снег. Все, что рассказал о саламандре, то — правда, а иное — ложь и выдумка».

Таким образом, по Марко Поло в разряд лжецов и выдумщиков попали многие его современники. Например, энциклопедист Винцентий, который сообщал, что папа Александр III (1159–1181) владел одеянием, сотканным из «саламандровой шерсти». Или Пьер из Бовэ, рассказывавший о волшебной ткани, выделяемой из саламандровых кож, которая не горит в огне и чистится огнем. Недалеко от них ушли и ав-

торы провансальского «Физиолога», утверждающие, что саламандра питается огнем, а из ее кожи люди делают одежду, которую не берет огонь. А чего стоит Херфордская карта мира (1276–1283), на которой саламандра изображена в виде крылатого дракона, а надпись гласит, что он ядовит. На фоне подобных сведений сообщение Марко Поло выглядит неожиданно смелым, как вызов. Миф об огненной ящерице саламандре, казалось бы, развеян, но осталась притягательная сила легенды о несгорающей в огне субстанции.

Саламандра. Из книги Парацельса «Толкование 30 магических фигур».

В оформлении статьи использованы работы художника Маурица Эшера из книги «M.C. Escher». – N.Y., 1992.